ПУБЛИКАЦИИ

Блаженный АВГУСТИН

О ТРОИЦЕ

(Книга первая)

I

1. Читателю наших рассуждений о Троице надлежит знать, что мы неусыпно боремся с клеветниками, которые презирают начало веры и обманываются незрелой и извращенной любовью к разуму. Некоторые из них переносят на мир духовный и бестелесный то, что с помощью телесных чувств они узнали о мире телесном или с чем ознакомились благодаря живости человеческой натуры и с помощью учения. Они и хотят приложить мерку телесного к бестелесному. Некоторые думают о Боге (если вообще думают), сообразуясь с собственной душой и ее страстями, и это заблуждение делает их мысли о Боге путаными и ложными. Есть другой род людей: они пытаются оторваться от твари, которая, конечно, подвержена изменению, и устремляют свое внимание на Бога, Который не знает перемены, но, отягченные бременем смертности, желая показаться знающими то, чего не знают, они оказываются неспособными познать и то, к чему стремятся; дерзко настаивая на своих предвзятых мнениях, они сами закрывают себе путь к пониманию, предпочитая не исправлять ошибку, а настаивать на ней. У всех людей троякого вида, мной упомянутых, общая ошибка: одни мыслят о Боге в соответствии с телом; другие — в соответствии с духовным творением, каким является душа; третьи не представляют Его ни телом, ни духовной сущностью, и, однако, тем более далеки от истины, что то, что им думается, не найдется ни в теле, ни в тварном духе, ни в Самом Создателе. Тот, кто представляет Бога, скажем, для примера, белым или красным, ошибается, хотя эти свойства в телах обнаруживаются. И тот, кто представляет Бога что-то забывшим, что-то вспоминавшим, ошибается ничуть не меньше, хотя эти обе способности найдутся в душе. И кто думает, что Бог мог Сам породить Себя, еще больше ошибается, ибо не только Бог не таков, но не таковы и духовные и телесные существа: ничто не может родить себя для существования.

2. Чтобы очистить человеческую душу от этой лжи, Священное Писание, приспособляясь к детям, не отбросило никаких слов, но с их помощью постепенно поднимало наш ум, словно питая его, к пониманию высокого и Божественного. Говоря о Боге, оно пользовалось словами и сравнениями с телесными предметами, например: «В тени крыл Твоих укрой меня» (Пс. 16, 8). Многое Священное Писание перенесло из мира духовного для обозначения того, о чем требовалось сказать именно так, хотя по существу было иначе: «Я Бог ревнитель» (Исх. 20, 5); «Каюсь, что создал человека» (Быт. 6, 7). О том, чего вообще нет, оно не тратит слов, не расцвечивает речений и не умножает загадок. Поэтому особенно опасно пустословие людей, отрезавших от себя истину заблуждением третьего вида — допущением в Боге того, что невозможно найти

Перевод с издания: J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina, t. 42.

ни в Нем, ни в любой твари. О качествах твари Писание говорит, словно забавляя малых детей и приспособляясь к слабым шагам тех, кому надлежит искать горнее и покинуть земное. О том, что присуще только Богу и чего нет в твари, Писание упоминает редко; сказано, например, Моисею: «Я есмь Сущий»; «Сущий послал меня к вам» (Исх. 3, 14). А так как «быть» (esse) употребляется в речи и о теле и о душе, то Он желал, чтобы слова были поняты иначе, чем их обычно понимают. В том же смысле сказано и у апостола: «Единый имеющий бессмертие» (1, Тим. 6, 16). Так как и душа в каком-то смысле правильно именуется бессмертной, то он не сказал бы «Единый имеет», если бы истинное бессмертие не было и неизменяемостью; неизменяемой тварь не может быть, неизменяемость присуща единому Творцу. Это говорит и Иаков: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1, 17). То же и у Давида: «Ты переменишь их, — и изменятся, но Ты Тот же» (Пс. 101, 27, 28).

3. Поэтому трудно вполне познать сущность Божию (substantiam Dei), неизменную и творящую изменяемое, создающую временное без всякого собственного движения во времени; необходимо очистить наш ум, чтобы он смог увидеть несказанное несказанно. Наш ум пока не таков, и мы питаемся верой и, кое-что упуская, прокладываем дорогу и приобретаем способность понимания. Апостол ведь сказал, что во Христе сокрыты все сокровища премудрости и ве́дения (Кол. 2, 3). Нам, младенцам Христовым, возрожденным Его благодатью, но до сих пор плотским и душевным, он сообщил о Христе не в Божественной силе, в которой Он равен Отцу, но в человеческой слабости, в которой Он был распят. Апостол ведь сказал: «Ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». И еще: «И был у вас в немощи и в страхе и в великом трепете» (1 Кор. 2, 2, 3). И ниже: «И я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею: ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1 Кор. 3, 1, 2). Если это сказать некоторым людям, они возмутятся, скажут, что их оскорбили, и чаще всего предпочтут, чем признаться в своей неспособности вместить сказанное, считать, что сказавшим эти слова вообще нечего было сказать. Иногда мы объясняем в ответ на их расспросы о Боге, что и они не в силах усвоить, да, пожалуй, и мы ни понять, ни объяснить. Как показать им, что они совершенно не могут усвоить то, знакомства с чем требуют? И так как они слышат не то, что хотели бы услышать, они думают, что мы хитрим и скрываем собственное невежество или злобно завидуем их осведомленности; негодующие и смущенные, они отходят от нас.

II

4. С помощью Господа Бога нашего постараемся, по силам нашим, показать, что Господь истинный и единый есть Троица; и что правильно говорить, верить и думать, что Отец, Сын и Дух Святой обладают одной и той же сущностью (substantiae vei essentiae); мы не говорим о Ней словно мимоходом; Она познается на деле как высшее Добро умами, вполне очистившимися. Созерцать и понимать Ее, полагаясь только на свои силы, нельзя; человеческий ум слаб и может вперять свой взор в тот дивный Свет, только окрепнув в праведности веры и ею напитавшись. Следуя авторитету Священного Писания, покажем, во-первых, свойства веры, а затем, если Богу угодно, с Его помощью мы вразумим и этих суесловных мудрецов, скорее надменных, чем способных понять, и поэтому страдающих опасной болезнью; они найдут нечто, в чем нельзя сомневаться, и скорее им придется сетовать не на истину или на наши рас-

суждения, но на свою неспособность понять. И если в них еще что-то осталось от любви к Богу и от страха Божия, они вернутся к вере, к ее стройным догматам и поймут, как спасительно лечение, предлагаемое Церковью верным. Понять неизменяющуюся Истину слабому уму поможет благочестие, исцеляющее эту слабость: оно не допустит ринуться в нестройные, дерзкие и лживые рассуждения. Мне отрадно будет спрашивать, словно человеку колеблющемуся, и я не устыжусь учиться, словно человек, ищущий дорогу.

III

5. Пусть же читатель, одинаково уверенный, идет со мной дальше; одинаково колеблющийся — спрашивает вместе со мной; заметивший свою ошибку — возвращается ко мне; заметивший мою — отзывает меня. Пойдем же вместе дорогой любви, стремясь к Тому, о Ком сказано: «Ищите лица́ Его всегда» (Пс. 104, 4). Этому благочестивому и угодному Господу Богу нашему указанию я следовал со всеми, кто читает то, что я пишу, во всех писаниях моих, особенно же в этих книгах, в которых исследуется единство Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. Ибо нет ошибки опаснее, труда тяжелее, находки плодотворнее, чем в таком исследовании. И если кто-либо, читая, скажет: «Это плохо сказано, я не понимаю», то он упрекнет меня за мой язык, но не за мою веру; вероятно, можно было высказаться яснее; ни один человек не говорил так, чтобы всем и все было понятно. И если кому-то в моей речи что-то не нравится, пусть испытает, понимает ли он других людей, осведомленных в этих вопросах, когда не понимает меня, и, если так, пусть отложит мою книгу и даже, если хочет, отбросит ее и потратит и труд и время на то, что ему понятно, но пусть не думает, что я обязан молчать из-за того, что не говорю так просто и ясно, как те, кого он понимает. Не всё, что все пишут, попадает в руки всех, и может случиться, что люди, которые в силах понять эти мои труды, не найдут книг более ясных, а на эти как раз натолкнутся. Полезно, чтобы многие писали, разнствуя в стиле, но не в вере, и об этих вопросах, дабы самый предмет достиг до большинства тем или иным путем. Жалующийся, что он этого не понял, никогда не мог понять основательных и остроумных соображений о столь важных предметах; пусть же молится и учится, дабы поумнеть, а не заставляет меня жалобами и бранью замолчать. А если читающий мой труд скажет: «Я понимаю, что сказано, но сказано это неверно», то пусть защищает свою мысль, если ему хочется, и опровергает меня, если сможет. Если он с любовью и стремлением к истине постарается ознакомить меня со своими возражениями, то я (если буду жив) получу великую пользу от этого моего труда. Если не я, то кто-то другой (с любовью и охотой на это соглашаюсь). Я же размышляю о законе Господнем, если не день и ночь (Пс. 1, 2), то в краткие свободные минуты и, чтобы мои размышления не были забыты, не исчезли, доверяю их перу. Надеюсь на милосердие Божие, которое укрепит меня во всем, что я считаю истиной. Если же я о чем иначе мыслю, то Он явит и это мне откроет (Флп. 3, 15), или в тайных внушениях и наставлениях, или явно в словах Своих, или в братских увещаниях. И прошу (это тайное желание мое) сохранить то, что Он дал мне, и воздать, что обещал.

6. Полагаю, что найдутся неразумные люди, которые решат по некоторым местам моих книг, что я думаю то, чего я на самом деле никогда не думал, и не думаю то, что на самом деле всегда думал. Кто не знает, что мне нельзя приписывать совращения ко лжи в следовании за мной? Я ведь вынужден идти через густую и темную чащу, но тем более кто же припишет святому авторитету Божественного Писания многочисленные и разнообразные ошибки еретиков?

А они ведь пытаются защищать свои ложные, обманчивые мнения Писанием. Закон Христов, который есть закон любви, кротко убеждает меня: если в книгах моих люди обнаружат ложь, мною не замеченную, и эта ложь одному понравится, а другому не понравится, то я обязан предпочесть укоры хулителя, хулящего ложь, похвалам хвалящего ее. Первый прав, порицая меня за мою ошибку, а второй неправ, хваля за мысль, которую порицает истина. Итак, во имя Божие, приступим к задуманному труду.

IV

7. Все писатели-кафолики, кого я мог прочесть, толковавшие Ветхий и Новый Завет и писавшие до меня о Троице, Которая есть Бог, согласно Писанию внушают, что Отец, Сын и Дух Святой, обладая единой сущностью (substantia), нераздельно равны в Божественном единстве; это не три бога, а Единый Бог: хотя Отец родил Сына, и Сын, следовательно, не то же, что Отец; Сын рожден от Отца, и Отец, следовательно, не то же, что Сын; Дух Святой не есть Отец или Сын, а только Дух Отца и Сына: Он Сам равен Отцу и Сыну и составляет с Ними Единую Троицу. Но не Сия Троица рождена от Девы Марии, распята при Понтии Пилате, погребена, воскресла в третий день и вознеслась на небо, а только Сын. Не Сия Троица спустилась в виде голубя на крестившегося Иисуса; или в день Пятидесятницы, после Вознесения Господня, когда внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного вихря, и разделяющиеся языки, как бы огненные, почили по одному на каждом из апостолов, то это была не Сия Троица, а только Дух Святой (Деян. 2, 2—4). Не Сия Троица возгласила с неба: «Ты Сын Мой» (Мк. 1, 11), когда Он крестился у Иоанна, или когда на горе с Ним было трое учеников (Мф. 17, 5), или когда прозвучал голос: «И прославил и еще прославлю» (Ин. 12, 28), но голос принадлежал только Отцу, обращавшемуся к Сыну; и, однако, Отец, и Сын, и Дух Святой как нераздельны суть, так нераздельно и действуют. В этом моя вера, и это вера кафолическая.

V

8. Некоторые смущаются, слыша: Бог Отец, и Бог Сын, и Бог Святой Дух, и, однако, эта Троица — не три бога, а один Бог, и спрашивают, как им это понимать, особенно когда говорится, что Троица нераздельно действует во всем, в чем действует Бог; но ведь прозвучавший голос Бога не был голосом Сына; воплотился, пострадал, воскрес и вознесся на небо только Сын; в образе голубя сошел только Дух Святой. Они хотят понять, каким образом голос, принадлежавший только одному Отцу, был голосом Троицы, плоть, в которой родился от Девы только Сын, создала Та же Троица, а под видом голубя, в котором явился только Дух Святой, действовала Эта Самая Троица. Иногда Троица действует раздельно (non inseparabiliter): одно делает Отец, другое — Сын, третье — Дух Святой; если Они делают что-то вместе, а что-то поочередно, то Троица не есть нераздельна. Смущает также, каким образом есть в Троице Дух Святой, Которого не родили ни Отец, ни Сын, ни Оба, хотя Он Дух и Отца, и Сына (cum sit Spiritus et Patris et Filii). Вот о чем спрашивают люди и докучают нам. И если кому Господь даровал бы понять бессилие наше, то я, как мог, объяснил бы ему и не отправился бы вместе «с истаевающим от зависти» (Прем. 6, 25). Если я скажу, что не имею обыкновения думать о таком, я солгу, а если признаюсь, что эти мысли живут во мне, ибо охвачен я горячим желанием выявить истину, то по праву любви от меня потребуют, чтобы я рассказал им, до чего я додумался — и не потому чтобы я уже достиг или усовершился (Я неизмеримо ниже апостола Павла, а и он не все постиг), но в меру мою, если я забы-

ваю заднее и простираюсь вперед, и стремлюсь к цели, к почести вышнего звания (Флп. 3, 13—14). Какая-то часть дороги пройдена, куда-то я пришел, и остается идти отсюда до конца, чтобы открыть то, что желают от меня узнать; этим желающим я служу с охотой и любовью.

Бог даст, предлагая эту книгу читателю, я и сам преуспею и, желая ответить спрашивающим, сам найду то, что́ искал. Я взялся за эту работу по велению Господа Бога нашего и с Его помощью; я не буду авторитетно рассуждать об известном, но буду благоговейно рассуждать и познавать.

VI

9. Тех, кто скажет, что Господь наш Иисус Христос не есть Бог или не есть истинный Бог, что Он с Отцом не единый истинный Бог, что Он не бессмертен, ибо подвержен перемене, — этих людей опровергнет ясное Божественное свидетельство и созвучный ему глас: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Мы понимаем, что Слово Божие есть единственный Сын Божий, о котором позже сказано: «И Слово стало плотью, и обитало с нами», ибо Сын Божий воплотился и родился от Девы во времени (propter nativitatem incarnationis ejus, quae facta est in tempore ex Virgine). И там же объявлено, что Он не только Бог, но и обладает той же сущностью (substantiae), что и Отец. Сказано ведь: «И Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть» (Ин. 1, 1, 14, 23). Не сказано просто «всё», а «всё, что есть», то есть вся тварь. И отсюда явствует: Тот, Кем сотворено всё, Сам не сотворен. А если Он не сотворен, то Он не есть тварь, а если Он не тварь, то сущность Его (substantia) та же, что у Отца. Всякое существо, которое не есть Бог, тварно, а то, что не тварно, есть Бог. Если Сын не обладает той же сущностью (ejusdem substantiae), что и Отец, то, значит, сущность Его тварна; если сущность (substantia) тварна, то не все Им сотворено; но «все Им сотворено», следовательно, у Него та же сущность, что у Отца (ejusdem que cum Patre substantiae est). Он поэтому не только Бог, но Бог истинный. Иоанн в своем Послании открыто говорит об этом: «Мы знаем, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познáем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Этот есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин. 5, 20).

10. Из этого следует, что и апостол Павел, сказав: «Единый имеющий бессмертие» (1 Тим. 6, 16), имел в виду не только Отца, но Единого Бога, Который есть Троица. Сама жизнь вечная не подвержена смерти в силу какой-либо изменчивости, и поэтому, когда о Сыне Божием, Который есть Жизнь вечная, говорится как о «Едином имеющем бессмертие», то вместе с Ним разумеется и Отец.

Причастниками этой жизни бессмертной сделались и мы и в меру нашу становимся бессмертны. Но одно — жизнь вечная, причастниками которой мы стали, и другое — мы, которые, в силу этой причастности, будем жить вечно. Если Он сказал, что в нужное время Отец явит, что Он блажен и всемогущ, что Он Царь царствующих и Господь господствующих и Единый имеющий бессмертие, то не следует думать о Сыне отдельно от Отца. И так как Сын Сам сказал однажды, что Он говорит голосом премудрости (Сам Он есть Божия Премудрость (1 Кор. 1, 24), «которая обошла круг небесный»), и не отделил Себя от Отца, то тем более нельзя думать, что только об Отце, а не о Нем вместе с Сыном сказано: «Единый имеющий бессмертие». Сказано также: «Соблюди заповедь чисто и неукоризненно даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и

единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, Единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и слава во веки веков. Аминь» (1 Тим. 6, 14—16). Не названы ни Отец, ни Сын, ни Дух Святой, но «блаженный, единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих» — один, единый и истинный Бог, Сама Троица.

11. Может быть, ум смутят слова: «Которого никто из человеков не видел и видеть не может». Понятно, что эти слова относятся к Божеству Христа, Которое не видели иудеи; они видели только плоть и ее распяли. Увидеть Божество человеческим зрением невозможно; видящие Его уже не люди, они больше, чем люди. Правильно понимать Бога в Троице (Deus Trinitatis) как «блаженного, единого сильного»; как Того, Кто откроет «явление Господа нашего Иисуса Христа в свое время». Сказано ведь так: «Единый имеющий бессмертие», как сказано и следующее: «Единый творящий чудеса». (Пс. 71, 18). Хотел бы я знать, как понимают сказанное: если только об Отце, то каким образом правильны слова, сказанные Сыном: «Что творит Отец, то и Сын творит также». А среди чудес есть ли чудо большее, чем воскрешать и оживлять мертвых? И опять же Сын говорит: «Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет» (Ин. 5, 19, 21). Каким же образом один Отец творит чудеса, если под этими словами разумеются не только Отец и не только Сын, но Единый истинный Бог, то есть Отец, и Сын, и Дух Святой?

12. И когда апостол говорит то же самое: «У нас один Бог Отец, из Которого всё, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым всё, и мы Им (1 Кор. 8, 6), кто усомнится, что он говорит обо всем, что́ сотворено, так же как и Иоанн: «Всё через Него начало быть»? Спрашиваю: о ком говорит он в другом месте: «Ибо всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки веков. Аминь». Говорит он об Отце, и Сыне, и Духе Святом, дабы отдать каждому Лицу только Ему присущее (ut singulis pensonis singula tribuantur): «из Него», то есть из Отца, «Им», то есть Сыном, «к Нему», то есть к Духу Святому. Ясно, что Отец, и Сын, и Дух Святой — единый Бог, и Апостол особенно подчеркивает: «Ему слава во веки веков. Аминь». И он не говорит: «О, бездна богатства и премудрости и ве́дения» Отца, или Сына, или Духа Святого, но «премудрости и ве́дения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать (Ис. 40, 13—14). Ибо всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки веков. Аминь» (Рим. 11, 33—36). Если это говорится только об Отце, то каким образом «всё Отцом», когда сказано здесь: «Всё Сыном», как сказано коринфянам: «И один Господь Иисус Христос, Которым всё», как и в Евангелии от Иоанна: «Всё через Него начало быть». Если одно Отцом, а другое Сыном, значит, не всё Отцом и не всё Сыном. Если же всё Отцом и всё Сыном, то значит, Отцом то же самое, что́ и Сыном. Следовательно, равен Сын Отцу и нераздельно действуют Отец и Сын. Ибо если Отец сотворил Сына, Которого не сотворил Сам Сын, то не всё сотворено Сыном (Quia si vel Filium fecit Pater quem non fecit ipse Filius, non oipia per Filium facta sunt); если же всё сотворено Сыном, то, следовательно, Он не сотворен и вместе с Отцом творил всё, что́ сотворено. И о Самом Слове не умолчал Апостол, а совершенно ясно сказал: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу» (Флп. 2, 6); здесь он называет Богом Отца, как и в другом месте: «Христу глава — Бог» (1 Кор. 11, 3).

13. Равным образом собраны свидетельства и о Духе Святом; ими широко пользовались те, кто до нас рассуждал о Нем. Он есть Бог, а не тварь, а если Он не тварь, то Он не просто Бог (и люди названы богами — Пс. 81, 6), но Бог истинный. Он, следовательно, равен Отцу и Сыну и обладает, как Лицо Единой Троицы, такой же сущностью и такой же вечностью, как Отец и Сын (in Trinitatis unitate consubstantialis et coaeternus). Что Дух Святой не есть тварь, вполне ясно из слов Апостола: «нам велено служить не твари, а Творцу» (Рим. 1, 25), но не так, как велено, в силу любви, служить друг другу — по-гречески это будет δουλεύειν, но так, как служат только Богу — по-гречески это будет λατρεύειν. Поэтому служащие не Богу, Которому они должны служить, а идолам называются идолослужителями. О служении же Богу сказано: «Господу, Богу твоему, поклоняйся и Ему одному служи» (Втор. 6, 13). Это очень точно выражено в Писании греческим словом λατρεύδεις. И нам запрещено *так* служить твари, ибо сказано: «Господу, Богу твоему, поклоняйся и Ему одному служи». И Апостол свидетельствует о людях, которые чтили тварь и служили ей, а не Творцу.

Дух Святой, следовательно, не есть тварь; все святые служили Ему, по словам Апостола (Флп. 3, 3): «Ибо обрезание — мы, служащие Духу Божию», по-гречески λατρευοτες. Поэтому и в большинстве латинских кодексов написано: «Мы, служа́щие Духу Божию», как и во всех или почти во всех греческих кодексах. В некоторых же латинских списках (exemplaribus) мы нашли не: «служа́щие Духу Божию», а: «служащие духом Богу». А те, которые здесь ошибаются и не хотят уступить более крупному авторитету, разве не найдут они в кодексах и другие разночтения, например: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм Святого Духа, Которого имеете вы от Бога?» Что безумнее и кощунственнее, чем осмелиться сказать, что члены Христовы — храм твари, меньшей, по их же словам, чем Христос? В другом месте он говорит: «Тела ваши суть члены Христовы». И если члены Христовы суть храм Духа Святого, то Дух Святой не есть тварь. Тому, для кого тело наше является храмом, обязаны мы служить так, как надлежит служить только Богу: служение это — по-гречески λατρεία. И в подтверждение он говорит: «Прославляйте Бога в телах ваших» (1 Кор. 6, 20).

VII

14. Этим и подобными свидетельствами Божественного Писания широко пользовались, как я и сказал, наши предшественники, опровергая клеветнические заблуждения еретиков и внушая нам веру в единство и равенство Троицы. В святых Книгах многое сказано по поводу воплощения Слова Божия, совершившегося ради спасения нашего: да станет человек Христос Иисус посредником между Богом и человеками (1 Тим. 2, 5). Что слова эти означают и даже прямо указывают, будто Отец больше Сына, эта мысль — заблуждение людей, не исследовавших все Писание в целом и не размышлявших над ним; то, что сказано о Христе человеке, они пытаются перенести на Его сущность (substantia), которая была вечной до Его воплощения и есть вечная. Ошибаются и те, кто говорят, что Сын меньше Отца, на основании того, что Сам Господь сказал: «Отец больше Меня» (Ин. 14, 28). Истина же указует, что Сын Сам уничижил Себя. Разве не уничижил Себя Тот, Кто «истощил Себя Самого, приняв образ раба»? Но принял Он образ раба не так, чтобы утратить образ Божий, в каковом был равен Отцу. Ибо если так был принят образ раба, что и образ Божий не был утрачен, то и в образе раба и в образе Бога Он является единородным Сыном Бога

Отца; в образе Божием — равный Отцу, в образе раба — посредник между Богом и человеками человек Христос Иисус. Кто же не понимает, что в образе Божием Он Сам больше Себя Самого (как человека), а в образе раба меньше Себя Самого (как Бога). Не зря Писание говорит двояко, что Сын равен Отцу и что Отец больше Сына. Первое сказано об образе Божием, второе — об образе раба: не надо здесь смешивать. И вот нам правило для разрешения этого вопроса с помощью Священного Писания: оно извлечено из одной главы в Послании апостола Павла, где отчетливо рекомендуется об этом различии помнить: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2, 6—7). Итак, Сын равен природою (natura) Богу Отцу, а по положению меньше Его. В образе раба, который Он принял, Он меньше Отца, в образе Божием, в котором пребывал прежде, чем принять образ раба, равен Отцу. В образе Божием Он — Слово, Которым все начало быть (Ин. 1, 3); в образе же раба «родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных» (Гал. 4, 4—5). В образе Божием Он сотворил человека, в образе раба сделался человеком. И если бы Отец один, без Сына, сотворил человека, не было бы написано: «Сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему» (Быт. 1, 26). И так как образ Божий принял образ раба, Сын оставался в том и другом и Богом и человеком: Богом — в силу воспринимающего Бога, человеком — в силу воспринятого человека, — то это восприятие не означает превращения одного в другого и изменения: Божество не изменилось в тварь и не перестало быть Божеством, и тварь не изменилась в Божество, дабы перестать быть тварью.

VIII

15. Вот что говорит Апостол: «Когда же всё покорится Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему всё Ему». Нельзя думать, что Христос, принявший вид тварного человека, превратился затем в нечто Божественное (in ipsam divinitatem) или, точнее сказать, в Божество, Которое не есть тварь, но Единая Троица, бестелесная, неизменная, единосущная (consubstantialis) и вечная. Если кто-то возразит (некоторые так понимают слова: И Сам Сын покорится Покорившему всё Ему), что это сказано в том смысле, будто покорение, изменение и превращение твари будет и приобретением сущности (substantiam vel essentiam) Творца, то есть то, что было сущностью твари (substantia creaturae), станет сущностью (substantia) Творца, то он должен согласиться с тем, в чем невозможно сомневаться: не о такой сотворенной твари шла речь, когда Господь сказал: «Отец больше Меня». Он сказал это не только раньше, чем вознесся на небо, но и раньше, чем пострадал и воскрес из мертвых. Те, кто думают, что человеческая природа в Нем (humanam in eo naturam) изменилась и превратилась в Божественную сущность (in deitatis substantiam) и слова: «Тогда и Сам Сын покорится Покорившему всё Ему» значат, что и Сам Сын Человеческий, и человеческая природа, воспринятая Словом Божиим, изменятся в природу Того, Кто покорил Ему всё, полагают, что тогда будет это, когда после дня Суда «Он передаст Царство Богу и Отцу». И потому, согласно этому мнению, Отец больше Того, Кто принял от Девы образ раба.

Утверждают также, что человек Христос Иисус изменился, приобретя Божественную сущность (in Dei substantiam mutatus homo Christus Jesus). Но не могут они отрицать и того, что Он пребывал человеком (natura homi-

nis), когда перед Страстями говорил: «Ибо Отец больше Меня»; незамедлительно следует понять эти слова в следующем смысле: Отец больше Сына, когда Сын в образе раба, Сын равен Отцу, когда Он в образе Божием. И говоря: «Когда же сказано, что всё Ему покорено, то ясно, что кроме Того, Кто покорил Ему всё» (1 Кор. 15, 27), Апостол считает, что об Отце следует думать так: Он покорил всё Сыну, но не полагает, что Сын Сам всё покорил Себе. На это указывает Апостол и в Послании к Филиппийцам: «Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе всё» (Флп. 3, 20—21). Ибо неразделима сила Отца и Сына: не Сам Отец покорит Себе всё, но Сын покорит Тому, Кто передаст Ему Царство и перед Кем всякая власть, и могущество, и сила — ничто; О Сыне же сказано: «Передаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу». Ведь покоряет Тот, Кто упраздняет.

16. Не следует думать, что Христос передаст Царство Богу и Отцу, отняв его от Себя, как думают некоторые пустословы. Слова «передаст Царство Богу и Отцу» не подразумевают разделения: Сын вместе с Отцом — Единый Бог. Тех, кто невнимательно читает Священное Писание и охотно затевает споры, смущает слово «доколе». Дальше следует: «Ему надлежит царствовать, доколе не низложит всех врагов Своих под ноги Свои» (1 Кор. 15, 24—25); это не значит, что, низложив, Он уже не будет царствовать. Они не понимают ни этих слов, ни следующих: «Утверждено сердце его; он не убоится, когда посмотрит на врагов своих» (Пс. 111, 8). Это ведь не значит, что не боится, пока не видит. А слова «когда передаст Царство Богу и Отцу» — словно Бог и Отец не имеет Царства? Но во всех праведных, живущих по вере, ныне царствует Посредник между людьми и Богом — человек Христос Иисус; Он приведет их к созерцанию «лицом к лицу», как говорит Апостол (1 Кор. 13, 12); и вот смысл слов «когда передаст Царство Богу и Отцу»: Он приведет верующих к созерцанию Бога и Отца. Поэтому Он и говорит: «Все передано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27). И тогда откроет Отца Сын, когда «упразднит всякое начальство и всякую власть и силу», т. е. отпадет нужда в уподоблениях посредством ангельских господств, властей и сил. От них уместно мысленно перейти к невесте в «Песни Песней»: «Золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками» (Песн. 1, 10), то есть доколе Христос скрыт в тайне Своей, ибо «жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге; Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3, 3—4). Прежде, чем этому быть, «мы видим как бы сквозь стекло, гадательно», т. е. в подобиях, «тогда же лицом к лицу» (1 Кор. 13, 12).

17. Это созерцание обещано и нам — это завершение всякой деятельности и радость совершенная и вечная. «Мы ведь дети Божии, но еще не открылось, что́ будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3, 2). Это же сказал Он слуге Своему Моисею: «Я есмь Сущий. Так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам» (Исх. 3, 14). Это будем созерцать мы, когда будем жить в вечности. Он ведь говорит: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Это случится, когда придет Господь и осветит скрытое во мраке (1 Кор. 4, 5), когда прейдет мрак смерти и гибели. Тогда настанет утро наше, о кото-

ром сказано в псалме: «Рано предстану пред Тобою и буду ожидать» (Пс. 5, 4). Думаю, что об этом созерцании говорится: «Когда передаст Царство Богу и Отцу», то есть когда Посредник между Богом и людьми, человек Христос Иисус, Который ныне царствует среди праведных, живущих по вере, приведет их к созерцанию Бога и Отца. Если я здесь сказал глупо, пусть поправит меня более разумный, но мне думается, что будет именно так. Мы ведь ищем только того, чтобы созерцать Его, но сейчас это созерцание невозможно; мы пока только надеемся, что будет нам радость. «Надежда же, которая видит, не есть надежда, ибо если кто видит, то чего ему надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим. 8, 24—25), «доколе царь не восседает за столом». Тогда исполнится написанное: «Исполнишь меня радости перед лицом Твоим» (Пс. 15, 11). Большего, чем эта радость, искать нечего, ибо не будет ничего большего, чего стоило бы искать. Отец явит Себя, и будет нам этого довольно. Это хорошо понял Филипп, сказав Господу: «Покажи нам Отца, и довольно для нас». Но он еще не понимал, что о том же самом мог он сказать: «Господи, покажи нам Себя, и довольно для нас». И чтобы вразумить его, Господь отвечает: «Столько времени Я с вами, и вы не знаете Меня? Филипп, видевший Меня, видел Отца». И так как Он хотел, чтобы Филипп жил верой, доколе не сможет видеть, то сказал: «Разве Ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?» (Ин. 14, 8—10). «Пока мы в теле, мы устранены от Господа, ибо ходим верою, а не ви́дением» (2 Кор. 5, 6—7). Созерцание — награда за веру; чтобы получить ее, верою очищают сердца, как и написано: «Верою очистив сердца их» (Деян. 15, 9). То, что они для созерцания очищают сердца, это очень одобрено: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). А о том, что это есть жизнь вечная, Бог говорит в псалме: «Долготою дней насыщу его и явлю ему спасение Мое» (Пс. 90, 16). Следовательно, услышим ли мы: «Покажи нам Сына», услышим ли: «Покажи нам Отца» — смысл одинаков; нельзя показать только Одного — Оба едины, как Сын и говорит: «Я и Отец — одно» (Ин. 10, 30). И в силу этой нераздельности достаточно назвать иногда только Отца, иногда только Сына, Который исполнит нас радости ви́дением лица Своего.

18. Неотделим от Обоих и Дух, Дух Отца и Сына. Собственно о Духе Святом сказано: «Дух истины, Которого мир не может принять» (Ин. 14, 17). Это и будет полнота нашей радости — большей быть не может — пребывать с Троицей Богом (frui Trinitate Deo), по образу Которого мы сотворены. Иногда о Духе Святом говорится как о Том, Кого довольно для нашего блаженства, довольно потому, что Его нельзя отделить от Отца и Сына; довольно ведь и одного Отца, ибо нельзя отделить Его от Сына и Духа Святого; довольно и Сына, ибо нельзя отделить Его от Отца и Святого Духа. А что означают слова: «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять» (Ин. 14, 15—17), то есть любящие мир? «Душевный человек не принимает того, что́ от Духа Божия» (1 Кор. 2, 14). Может показаться, будто слова «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя» сказаны потому, что не довольно одного Сына. Там же сказано так, будто вообще довольно Его одного: «Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 13). Ужели Сын отделен, словно Он Сам не может научить всякой истине? И сделает это Дух Святой, потому что Сын не может так научить? Пусть, если угодно, скажут, что больше Сына Дух Святой, Которого они обычно считают меньшим Сына. Почему не

сказано: «Он Сам один», или: «Никто, кроме Него, не научит вас этой истине»? Позволено думать, что вместе с Ним учит и Сын. Итак, Апостол отделил Сына от знания того, что Божие: «Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2, 11); так что люди с извращенным умом могли бы сказать, исходя из этих слов, что и Сына научит Божьему только Дух Святой, как учит больший меньшего. Сын предоставил Сам это дело Духу: «Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам» (Ин. 16, 6—7).

IX

Однако Он сказал это не потому, что Слово Божие и Дух Святой неравны между Собой; можно бы подумать, что пребывание Сына Человеческого среди них препятствовало приходу Того, Кто не умáлился, ибо не уничижил Себя Самого, приняв образ раба, как Сын (Флп. 2, 7). Надлежало исчезнуть с глаз их образу раба, глядя на который, они думали, что Христос — это только то, что они видят. Поэтому Он и сказал: «Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я иду к Отцу, ибо Отец больше Меня» (Ин. 14, 28), то есть «Мне затем надо пойти к Отцу, что вы судите по Моему образу, и думаете, что Я меньше Отца; вы видите только тварный образ, который Я на Себя принял, и не разумеете Моего равенства с Отцом». Потому и сказано: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20, 17); прикосновение как бы удостоверяет верность увиденного. Он же не хотел, чтобы сердце, стремившееся к Нему, знало только то, чтó увидело. Восхождение к Отцу надо понимать в смысле равенства с Отцом — чтобы в этом было предельное вúдение, достаточное для нас. Иногда об одном Сыне говорится, что достаточно Его, а в том, чтобы узреть Его, нам обещана полная награда за нашу любовь и стремление к Нему. Он ведь говорит: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам». И если Он не сказал: «Явлю ему и Отца», то это не значит, что Он отделил Себя от Отца. Истинно ведь: «Я и Отец — одно»; когда явлен Отец, явлен и Сын, в Нем сущий; и когда явлен Сын, явлен и Отец, в Нем сущий. Когда, следовательно, Он говорит: «И Я явлюсь ему Сам», то подразумевается, что явит и Отца, а из Его слов: «Когда передаст Царство Богу и Отцу», ясно, что Себя Он не отделяет. И когда Он доведет верующих до созерцания Бога и Отца, то, конечно, доведет и до созерцания Себя, ибо сказал: «И явлюсь ему Сам». И в согласии с этим ответил Он на вопрос Иуды: «Господи, что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не этому миру?» — «Если кто любит Меня, соблюдет слово Мое и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим», т. е. Он не только Сам явится тому, кто Его возлюбил, но придет к нему вместе с Отцом и сотворит обитель у него.

19. Может быть, кто-то подумает, что в обитель, устроенную Отцом и Сыном у возлюбившего Их, не будет допущен Дух Святой (exclusus esse ab hac mansione Spiritus Sanctus)? А почему же сказано выше о Духе Святом: «Которого мир не может принять, потому что не видит Его; вы же знаете Его, ибо Он с вами пребывает и есть в вас»? Он допущен, следовательно, в эту обитель, Он, о Ком сказано: «С вами пребывает и есть в вас». Может быть, найдется бестолковый человек, который подумает, что, когда Отец и Сын придут в обитель возлюбившего Их, то Дух Святой уйдет оттуда, словно уступая место бóльшим. Этому плотскому разумению противостоит Пи-

сание; немного выше сказано: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин. 14, 16). Следовательно, когда Отец и Сын придут, то Дух не уйдет, но вместе с Ними вовек пребудет в этой обители. Ни Он не приходит без Них, ни Они не приходят без Него. Отдельные Лица Троицы имеют каждое свое особое имя, но особо не мыслятся, в силу единства Троицы и единой Божественной сущности Отца, Сына и Духа Святого.

X

20. Итак, Господь наш Иисус Христос передаст Царство Богу и Отцу, не разделяя Себя ни с Ним, ни с Духом Святым, когда Он приведет верующих к созерцанию Бога; здесь конец всякой доброй деятельности, покой вечный и радость, которая никогда не отымется от нас. Таков смысл слов: «Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16, 22). Подобие этой радости предзнаменовала собою Мария, сидевшая у ног Господа и внимавшая Его словам; отрешившись от всяких дел, она внимала истине в той мере, в которой может внять ей эта жизнь, являющаяся прообразом будущей, вечной. Марфа, сестра ее, занята была необходимыми делами, пусть добрыми и полезными, которые, однако, прекратятся, когда наступит покой и сама она успокоится в слове Господнем. И поэтому Господь на жалобы Марфы, что сестра ей не помогает, ответил: «Мария избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10, 39—42). Он не назвал дело Марфы плохой частью, а только сказал, что самая лучшая та, которая не отнимется. Часть, которая удовлетворяет нужду, исчезнет, когда исчезнет нужда. Награда доброму делу преходящему — покой пребывающий. В этом же созерцании Бог будет всё во всем: ничего не надо больше искать; довольно получим от Него Самого света и радости. Все те, за кого Дух, ходатайствуют воздыханиями неизреченными (Рим. 8, 26). «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы жить в доме Господнем во все дни жизни моей и созерцать красоту Господню» (Пс. 26, 4). Будем и мы созерцать Бога Отца и Сына и Духа Святого, когда Посредник между Богом и людьми — человек Христос Иисус — передаст Царство Богу и Отцу, дабы Он, Посредник и Первосвященник наш, Сын Божий и Сын Человеческий, больше не ходатайствовал за нас, ибо Он Сам в качестве Первосвященника, принявшего ради нас образ раба, покорится Тому, Кто покорил Ему всё и Кому Он покорил всё; так что в качестве Бога Он с Отцом покорит нас Себе, а в качестве Первосвященника вместе с нами покорится Отцу (1 Кор. 15, 24—28). Сын есть и Бог и человек, но человеческая сущность в Сыне иная, чем сущность Его, когда Он в Отце, подобно тому, как плоть души моей иной сущности, чем моя душа, хотя они один человек, но различны моя душа и душа другого человека.

21. Следовательно, «когда Он передаст Царство Богу и Отцу», то есть когда верующих и живущих верой, за которых теперь ходатайствует Посредник, приведет Он, наконец, к созерцанию, о котором вздыхаем и тоскуем, и когда пройдут труд и стенания, Он не будет уже ходатайствовать за нас, ибо Царство будет передано Богу и Отцу. Об этом Он и говорит: «Я говорил с вами об этом в притчах; наступит время, когда уже не буду говорить вам в притчах, но прямо возвещу вам об Отце», то есть уже не будет притчей, когда совершится ви́дение лицом к лицу. Это и обозначают слова: «Прямо возвещу вам об Отце», то есть «прямо явлю вам Отца». Говорит: «Возвещу», ибо Он есть Слово Отца. Затем Он продолжает: «В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца, ибо Сам Отец любит

вас, потому что вы Меня возлюбили и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду к Отцу» (Ин. 16, 25—28). Что значит: «Я исшел от Отца»? Это значит: «не в том образе, в котором Я равен Отцу, а в ином — в умаленном, тварном». А что значит: «Я пришел в мир»? Это значит: «Я явился глазам грешников, любящих этот мир, в образе раба, в котором Я истощил Себя». А что значит: «Опять оставляю мир», как не то, что «Я изыму от любящих мир виденное ими»? А что значит: «Я иду к Отцу»? Это значит: «Я наставляю Своих верных, как должно понимать Мое равенство Отцу». Верующие должны прийти от веры к реальности, то есть к ви́дению Того, о пришествии Которого сказано, что Он передаст Царство Богу и Отцу. Верные, которых Он искупил кровью Своей, именуются Его Царством, за них Он ныне и ходатайствует; тогда же там, где Он равен Отцу, Он не будет просить Отца за них, прилепившихся к Нему, «ибо, — говорит Он, — Отец Сам любит вас». Просит же Он потому, что меньше Отца, как истинно равный Он внимает вместе с Отцом. Словами: «Ибо Отец Сам любит вас» Он не разделяет Себя с Ним, но дает понять то, о чем я упоминал выше и на чем настаивал: каждое Лицо в Троице обычно именуется так, что под этим именем разумеются и другие лица. Так, если говорится: «Ибо Отец Сам любит вас», то следует здесь разуметь и Сына, и Духа Святого. Любит нас не только Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас (Рим. 8, 32); однако любит Бог таких нас, какими мы будем, а не таких, какие мы сейчас. Каких же любит Он, таких и хранит вовеки; тогда Тот, Кто ныне ходатайствует за нас, «передаст Царство Богу и Отцу» и уже не будет просить Отца, ибо Отец Сам любит нас. За что? Только за веру, за то, что мы поверили прежде чем увидим обещанное. И Он полюбил нас такими, какие мы есть, а не возненавидел, и настоятельно увещевает нас измениться.

XI

22. Усвоим, как правильно понимать Писания о сыне Божием и различать, что в Нем соответствует образу Божию, в котором Он равен Отцу, и что в Нем от образа раба, который Он принял и в котором Он меньше Отца; не будем путать и противопоставлять мысли святых Книг, как будто они противоречивы. В образе Божием (secundum formam Dei) равны Отцу и Сын и Дух Святой, ибо ни один из Них не есть тварь, как мы и показали, но в образе раба Он меньше Отца, как сказал Сам: «Отец больше Меня» (Ин. 14, 28); Он меньше Себя Самого, ибо о Нем сказано: «Он уничтожил Себя Самого» (Флп. 2, 7); Он меньше Духа Святого, ибо сказал Сам: «Кто скажет хулу на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему» (Мф. 12, 32). И Им совершал Он великие дела, говоря: «Если Я Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царство Божие» (Лк. 11, 20). Вот слова Исаии, которые Он Сам прочитал в синагоге и дополнил их, разумея, несомненно, Себя: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня и послал благовествовать нищим, проповедовать узникам освобождение» (Ис. 61, 1; Лк. 4, 18); Он говорит, что послан делать это, ибо Дух Господень на Нем. Как Бог (secundum formam Dei), Он сотворил всё (Ин. 1, 3), как раб, Он родился от жены, подчинился закону (Гал. 4, 4). Как Бог, Он и Отец — одно (Ин. 10, 30); как раб, Он пришел исполнить не Свою волю, а волю Пославшего Его (Ин. 6, 38). В образе Божием — «как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе»; в образе как раба — душа Его «скорбит смертельно», и Он

говорит: «Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26, 38—39). Как Бог, «Он есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин. 5, 20); как раб, «был послушен даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 8).

23. Как Богу, Ему принадлежит все, что имеет Отец (Ин. 16, 15), и: «всё Мое Твое, и Твое Мое» (Ин. 17, 10). В образе раба — Его учение есть не Его, но Пославшего Его (Ин. 7, 16).

XII

«О дне и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Мк. 13, 32). Но Он не знает это, почему и сделал их незнающими, то есть Он не знал тогда, когда говорил ученикам — так ведь сказано и Аврааму: «Теперь Я знаю, что боишься ты Бога» (Быт. 22, 12), то есть «теперь Я сделал, чтобы ты узнал», ибо и сам проверенный понял себя в этом испытании. И ученикам Он скажет в удобное время, говоря о будущем, словно о прошедшем: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями, ибо раб не знает воли господина своего, но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15, 15) — Он еще не сделал этого, но, конечно, сделает, хотя и говорит, как будто уже сделал. Он говорит им: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16, 12). Под этим следует разуметь и слова о дне и часе. Так и Апостол говорит: «Ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2, 2). Он ведь говорил тем, которые не могли постичь более глубоких истин о Божестве Христа. Несколько дальше он говорит: «Я не мог говорить с вами, как с духовными, но как с плотскими» (1 Кор. 3, 1). Значит, он не знал, и среди них того, чего они не могли понять даже и с его помощью, и говорил им, что знает только то, что им следовало от него узнать. Среди совершенных он знал то, чего не знал среди младенцев: он говорит: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными» (1 Кор. 2, 6). Кто-либо скажет, что такой характер речи прикрывает незнание говорящего; это как бы незаметная, прикрытая канава. Писание, однако, говорит такой речью, которая в обыкновении людском не встречается, и все же говорит оно именно с людьми.

24. Соответственно образу Божию сказано: «Раньше всех холмов родил Он Меня» (Притч. 8, 24), то есть раньше всех прочих тварей; «Прежде денницы родил Я Тебя» (Пс. 109, 3), то есть раньше всякого времени и всего временного. Соответственно образу раба сказано: «Господь создал меня в начале путей Своих» (Притч. 8, 22). Соответственно образу Божию сказано: «Я есмь Истина», а соответственно образу раба: «Я есмь путь» (Ин. 14, 6).

И Он же, как «первенец из мертвых» (Апок. 1, 5), проложил дорогу Церкви Своей к Царству Божию, к жизни вечной, завершение которой в бессмертии также и тела, поэтому и сотворен Он в начале путей Божиих, для дел Его (ideo creatus est in principio viarum Dei in opera ejus). Соответственно образу Божию, Он «от начала Сущий», как и сказано нам (Ин. 8, 25); в том начале Бог сотворил небо и землю (Быт. 1, 1); соответственно же образу раба, «Он выходит, как жених из брачного чертога Своего» (Пс. 18, 6). В образе Божием «Он рожден прежде всякой твари, и Сам есть прежде всего, и всё Им стоит»; в образе раба «Он есть глава тела Церкви» (Кол. 1, 15, 17—18). В образе Божием Он есть Господь славы (1 Кор. 2, 8). Отсюда ясно, что Он прославит святых Своих, ибо «кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил» (Рим. 8, 30). О Нем же сказано, что Он оправдает и нечестивого (Рим. 4, 5),

и о Нем же говорится, что Он явится праведным и оправдывающим (Рим. 3, 26). А кого Он оправдал, тех и прославил; ибо, как оправдывающий и прославляющий, Он есть Господь славы, как я и сказал. А в образе раба Он ответил ученикам Своим, спорившим о прославлении: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим» (Мф. 20, 23).

25. А что утоговано Отцом, то уготовано и Сыном, ибо Он и Отец — одно (Ин. 10, 30). Я уже указывал, что обозначение отдельных Лиц Троицы относится одинаково и ко всем Лицам Троицы вместе, и к Каждому Ее Лицу в отдельности, ибо нераздельна деятельность Ее и едина сущность. Потому и о Духе Святом Он говорит: «Если Я пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16, 7). Не сказал: «Мы пошлем», но так, словно пошлет только один Сын, а не Отец вместе с Ним; в другом месте Он говорит: «Это сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему» (Ин. 14, 25—26). Это сказано таким образом, будто не Сын Его пошлет, а один только Отец. Следовательно, и этими словами, и раньше сказанными — «кому уготовано Отцом Моим» — Он желал, чтобы поняли: приготовят почетные места, кому захотят, Он и Отец вместе. Кто-нибудь возразит: когда там сказано о Святом Духе, Он говорит, что пошлет Его Он, но не отрицает, что Его пошлет и Отец, а в другом месте говорит, что пошлет Отец, но не отрицает, что пошлет и Он; это ясно из Его Слова, Он же ясно говорит: «не от Меня зависит», как и далее сказанное, что места уготованы Отцом. Но согласно нашему рассуждению, это сказано согласно образу раба: поймем же смысл этих слов: не в человеческой власти дать их, а во власти Того, Кто, будучи Богом, равен Отцу. «Не в Моей власти», то есть Я даю их не властью человека, но как уготованные Отцом Моим, и ты, наконец, пойми, если «всё, что имеет Отец, есть Мое» (Ин. 16, 15), то и это, конечно, Мое, и Я уготовал эти места с Отцом вместе.

26. Спрашиваю я и о смысле этих слов: «если кто не слушает слов Моих, не Я буду судить его». Может быть, Он сказал «не Я буду судить его» в том же смысле, в каком «не от Меня зависит»? Что же следует затем? «Я пришел не судить мир, но спасти мир» и добавляет: «Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе»: мы бы сочли, что Он говорит об Отце, но Он добавляет: «Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день». Что же? Ни Сын не будет судить — Он ведь сказал: «Я не буду судить его», ни Отец, но слово, которое сказал Сын? Послушай, однако, дальше: «Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец» (Ин. 12, 47—50). Итак, если судит не Сын, но слово, сказанное Сыном, ибо Сын говорил не от Себя: Отец, пославший Его, дал Ему заповедь, что сказать и что говорить; судит Отец, слово Которого сказал Сын, и это Слово Отца и есть Его Сын. Заповедь Отца не есть одно, а Слово Отца другое; Он назвал это и словом, и заповедью. Подумаем, сказав: «Я говорю не от Себя», не хотел ли он, чтобы поняли: «Я не рожден от Себя». Если говорит Слово Отца, Он говорит о Себе (se ipsum loguitur), ибо Он есть Слово Отца. Он обычно говорит: «Дал Мне Отец»: дает понять, что Его родил Отец и не то, что дал Ему нечто, уже существующему и чего-то не имеющему, но родил Его, так что Он есть и имеет. Сын Божий до воплощения, до восприятия твари, Единородный, через Которого всё сотворено, не так, как тварь, есть одно, а имеет другое; но одно и то же то, что Он есть и то, что Он имеет. Это сказано яснее (если кто способен понять): «как Отец имеет

жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Ин. 5, 26). Он дал «иметь жизнь в Самом Себе» Тому, Кто уже жил и существовал, ибо Он есть жизнь. Итак, «дал Сыну иметь жизнь в Самом Себе», то есть родил Сына. Жизнь, не знающую перемены, — это жизнь вечная. Слово Божие есть Сын Божий, и Сын Божий «есть истинный Бог и жизнь вечная», как говорит Иоанн в своем Послании (1 Ин. 5, 20); знаем также слова Господни: «Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день»; слово Он называет словом Отца и заповедью Отца, а заповедь эту жизнью вечной. «И знаю, что заповедь Его есть жизнь Вечная».

27. Спрашиваю, как нам понимать: «Я не буду судить, слово, которое я говорил, оно будет судить»? Из следующего выясняется их смысл: «Я не буду судить; но будет судить слово Отца», но Слово Отца есть Сын Божий. Как же понимать: Я не буду судить, но Я буду судить? Только так: Я не буду судить властью человека, ибо Я Сын Человеческий, но буду судить властью Слова, ибо Я Сын Божий. И если противоречивыми покажутся слова: «Я не буду судить» и «буду судить», то что скажем, услышав: «Мое учение — не Мое»? Каким образом «Мое и одновременно не Мое», Он не сказал: «Это учение — не Мое», но «Мое учение — не Мое», назвал его Своим и его же назвал не Своим. Своим назвал в одном смысле, не Своим — в другом: Свое, как у Бога, Не Свое, как у раба. Сказав: «не Мое, но Пославшего Меня» (Ин. 7, 16), Он заставляет нас обратиться к Самому Слову. Учение Отца есть Слово Отца, Его единственный Сын. Не тот ли смысл и в словах: «Верующий в Меня, не в Меня верует» (Ин. 12, 44). Как же так: и в Него и не в Него? «Верующий в Меня, не в Меня верует, но в Пославшего Меня». Только так, кто в Меня верует, верует не в то, что видит — будем возлагать надежду не на тварное, но на Того, Кто принял тварный облик, дабы явиться людским сердцам и очистить верой сердца — да созерцают Его, как равного Отцу. Поэтому Он обращает внимание верующих к Отцу, говоря: «Не в Меня верует, но в Пославшего Меня», но никак не разделяет Себя с Отцом, то есть с Тем, Кто послал Его; в Него следует веровать, как в равного Отцу. Ясно сказал Он это: «Веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Ин. 14, 1), то есть: «Как веруете в Бога, так веруйте и в Меня, ибо Я и Отец — один Бог». Он словно переносит людскую веру с Себя на Отца, говоря: «Не в Меня верует, но в Пославшего Меня», но Себя никак с Ним не разделяет. Тот же смысл и в словах: «Не от Меня зависит, но кому приготовлено Отцом Моим», думаю, понятно, почему приемлемо и то и другое. Так же и слова: «Я не буду судить», хотя Он будет судить живых и мертвых (2 Тим. 4, 1), но не властью человека: Он напоминает о Своей Божественности, дабы устремить ввысь сердца людей: Он и спустился на землю, чтобы поднять их над землей.

XIII

28. Если бы Сын Человеческий, принявший облик раба, не был Сыном Божиим по облику Бога, в каковом пребывает, апостол Павел не сказал бы о князьях этого мира: «Если бы познали, никогда бы не распяли Господа Славы» (1 Кор. 2, 8). Его распяли в образе раба, но распят был Царь Славы. Ибо таково было это восприятие, которое сделало Бога человеком и человека Богом. Что ради чего и что согласно чему понимает, с Божьей помощью, разумный, прилежный и благочестивый читатель. И мы говорим: потому что Он Бог, Он прославляет Своих, прославляет потому, что Он Царь Славы, и, однако, Царь Славы был распят (правильно сказано: «Бог распятый»), но распят не в силе Божией, но в немощи челове-

ческой (2 Кор. 13, 4). Он, Бог, судит, то есть судит властью Божеской, а не человеческой, и тем не менее Сам человек будет судить — ведь и Царь Славы был распят. Открыто сказал Он: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все ангелы с Ним, тогда соберутся пред Ним все народы» (Мф. 25, 31—32); в этих стихах предсказано и остальное до последнего приговора включительно. И иудеи, закосневшие во зле, будут наказаны на этом Суде, как и сказано: «увидят, Которого пронзили» (Зах. 12, 10). И так как и добрые и злые увидят Судью живых и мертвых, то, несомненно, злые смогут увидеть Его только в облике Сына Человеческого, но теперь прославленного Судию, а не уничиженного подсудимого. Несомненно, однако, что нечестивые не увидят оный Божий образ, в котором Он равен Отцу: они не чисты сердцем: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8), в ви́дение лицом к лицу (1 Кор. 13,12), которое, как высшая награда, обещано праведным; это будет, когда Он передаст Царство Богу и Отцу; Он подразумевает, что увидят и Его, подчинившего Богу всю тварь и ставшего (а Он Сын Божий) в тварном облике Сыном Человеческим. «Тогда и Сам Сын покорится Покорившему всё Ему, да будет Бог всё во всем» (1 Кор. 15, 24—28). И если Сын Божий в том образе, в коем Он равен Отцу, явится также и нечестивым, когда придет судить, что обещает Он много Его возлюбившему: «И Я возлюблю Его и явлюсь Ему Сам» (Ин. 14, 21). Поэтому Сын Человеческий будет судить не властью человека, но властью Сына Божия, и опять же Сын Божий будет судить, явясь не в том образе, в коем Он — Бог, равный Отцу, но в образе Сына Человеческого.

29. Можно употребить оба выражения: «судить будет Сын человеческий» и «не Сын человеческий будет судить», ибо судить будет Сын человеческий: Он ведь сказал: «Когда же придет Сын Человеческий, тогда соберутся пред Ним все народы» (Мф. 25, 31—32), но судить их будет не Сын человеческий; истинны ведь слова Его: «Я не буду судить: (Ин. 12, 47) и «Я не ищу Моей славы: есть Ищущий и Судящий» (Ин. 8, 50). Если Он предстанет на Суде не в облике Бога, но в облике Сына человеческого, то судить будет не Сам Отец; сказано ведь: «Отец не будет судить никого, но весь суд отдал Сыну». Каков же двойной смысл выражения, нами выше упомянутого, «Сыну дал жизнь иметь в Самом Себе» (Ин. 5, 26). Значит ли это, что Он родил Сына? Или разговор идет о том, о чем говорит Апостол: «Потому и Бог превознес Его и дал Ему имя, выше всякого имени». Это сказано о Сыне человеческом, в котором Сын Божий воскрес из мертвых. В облике Божием Он равен Отцу, но уничижил Себя, приняв облик раба, в этом облике раба и действовал, и страдал, и получил то, о чем дальше сообщает Апостол: «Уничижил себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной; поэтому Бог и превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, чтобы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Флп. 2, 7—11). Сказано ли «весь суд отдал Сыну» согласно тому речению или этому, явствует из того, что если это сказано согласно речению «дал Сыну иметь жизнь в Себе Самом», то тогда никак не было бы сказано «Отец не судит никого», так как Он родил Сына, равного Себе, то Он судит вместе с Ним, и Сын явится на Суде не в облике Бога, а в облике Сына Человеческого. Он не будет судить не потому, что отдал весь Суд сыну, — ведь о Нем говорит Сын: «Есть Ищущий и Судящий», — слова «Отец не судит никого, но весь Суд отдал Сыну» значат: Отца не увидит на Суде никто

из живых и умерших, но все увидят Сына: Он есть Сын человеческий, так что Его могут видеть и нечестивые, и они увидят, Кого они убили.

30. Что это не только наши догадки, приведем слова Самого Господа: покажем, почему Он сказал: «Отец не судит никого, но весь Суд отдал Сыну», ибо Судья явится в образе Сына Человеческого — этот образ не Отца, но только Сына (и это не образ Сына, в котором Он равен Отцу, но только в котором Он меньше Отца), — Он предстанет в таком образе, чтобы Судью могли увидеть и добрые и злые. Немного ниже Он говорит: «Истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня, имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но переходит от смерти к жизни». Эта вечная жизнь есть то ви́дение, которого нет для злых. Далее следует: «Истинно, истинно говорю вам, наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия, и услышав оживут. Это участь благочестивых, которые, услышав о воплощении Его, верят, что Он — Сын Божий, и что Он ради них стал меньше Отца и принял образ раба и верят, что, как Бог, Он равен Отцу. Из этого следует и Его объяснение: «И как Отец имеет Жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе». И затем Он переходит к ви́дению Своей Славы, в которой придет как Судья. Славу эту увидят и нечестивцы и праведные. Дальше следует: «И дал Ему власть производить Суд потому что Он есть Сын человеческий». Сказать яснее, по-моему, нельзя. Так как Он — Сын Божий, равный Отцу, то эту власть судить Он не получает, но имеет ее сокровенно с Отцом; принимает же ее, чтобы злые и добрые видели Его судящим, ибо Он Сын Человеческий. Узреть Сына Человеческого предоставлено будет и злым; узрят Его в образе Божием только чистые сердцем: они именно увидят Бога: только благочестивым и любящим Его обещает Он явить Себя. Погляди же что дальше: «Не дивитесь этому» — запрещает нам удивляться тому, чему удивляется, конечно, каждый, кто не понимает слов Отца, Который дал Сыну власть творить Суд потому, что Он — Сын человеческий. Скорее можно было бы ожидать, что будет сказано: «потому что Он — Сын Божий». Но Сына Божия в Божественном образе, в коем Он равен Отцу, грешники увидеть не смогут. Надлежит, чтобы Судью живых и мертвых увидели, представ перед Ним, и праведные и грешные. «Не дивитесь этому, ибо наступит время, в которое все находящиеся в гробах услышат голос Его и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин. 5, 22—29). Надлежало Ему получить эту власть, как Сыну человеческому, дабы все воскресшие могли увидеть Его в том образе, в котором увидеть могли *все*, и осужденные и идущие в жизнь вечную. А что такое жизнь вечная, как не то ви́дение, в котором отказано нечестивым? «Да знают Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Как познают Иисуса Христа? Только как единого истинного Бога, каким Он им явит Себя, не в облике Сына человеческого, в котором явится и тем, кто подлежит наказанию.

31. В том ви́дении, в коем предстанет Он людям с чистым сердцем, узрят Его благим: «Как благ Бог Израиля к чистым сердцем» (Пс. 72, 1), но когда взглянут на Судью дурные, Он не покажется им благим, и не возрадуются сердцем, но «возрыдают пред Ним все племена земные» (Откр. 1, 7), — во всяком случае все дурные и неверные. Поэтому Он и ответил спросившему Его, как унаследовать жизнь вечную и назвавшего Его учителем благим: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ,

как только один Бог» (Мф.19, 17). В другом месте, однако, Господь Сам говорит о добром человеке: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое» (Мф. 12, 35). Тот юноша искал вечной жизни, жизнь же вечная состоит в созерцании Бога не карающего, но дарующего радость вечную. Юноша не понимал, с Кем он говорит, считая, что перед ним только Сын человеческий. «Что ты называешь Меня благим?» то есть: зачем называешь благим этот образ, который ты видишь и обращаешься к Тому, Кого видишь: «учитель Благой»? Это образ Сына человеческого, этот образ воспринят, в этом образе предстанет Он на Суде не только праведным, но и нечестивым, и в этом образе не благим увидят Его творящие зло. Можно увидеть образ Мой, в котором хотя Я и был, но не считал хищением быть равным Богу, и Я Сам уничижил Себя (Флп. 2, 6—7), чтобы принять этот образ. Итак, это единый Бог, Отец, Сын и Дух Святой. Который предстанет радовать праведных, и радость эта не отнимется у них, радость, о которой воздыхает говорящий: «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, чтобы созерцать красоту Господню» (Пс. 26, 4); только Сам Бог благ: никто не видит от него скорби и стенаний, но спасение и радость истинную. Если ты видишь Меня в том образе, то Я благ, если только в этом, зачем спрашиваешь о благе? Если ты среди тех, которые «увидят, Кого пронзили» (Зах.12, 10), то зрелище это будет для них тяжким: оно несет в себе наказание. Господь так и думал, говоря: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог»; эти слова подтверждают сказанное мной: мы будем созерцать не ведающую перемены и человеческим глазам невидимую сущность Бога, узреть которую «лицом к лицу» обещано, по словам апостола Павла (Кор. 13, 2) только святым. О ней же [т. е. о Сущности Бога] говорит и апостол Иоанн: «Мы будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3, 2), и о ней говорится: «Одного просил я у Господа: созерцать красоту Господню», и о ней говорит Сам Господь: «И Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам» (Ин. 14, 21); ради нее одной очистим сердца наши верой: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8); изречения об этом ви́дении изобильнейше рассеяны по всему Священному Писанию: их находит всякий, кто устремляется оком любви к исканию этого ви́дения. В этом ви́дении — наше высшее благо, и ради стяжания его мы наставлены усердствовать во всяком правом деле. Ви́дение же Сына человеческого, которое нам предвозвещено, когда соберутся перед Ним все племена и скажут Ему: «Господи, когда мы видели Тебя алчущим и жаждущим» (и далее), не будет ни благостным для нечестивых, посылаемых в огонь вечный, ни высшим благом для праведных. Ибо Он продолжает звать их в царство, уготованное им от создания мира. Он и скажет одним: «Идите в огонь вечный», и другим: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство уготованное вам» (Мф. 25, 33—49). И пойдут нечестивые в огонь вечный, а праведники в жизнь вечную. А что такое жизнь вечная, как не то, что определено в словах «да знают Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа»? — Но уже и в той славе, о которой Он говорит Отцу: «которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин. 17, 3—5). Тогда Он передаст Царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24): да войдет добрый раб в радость Господина своего (Мф. 25, 23) и укроет тех, кем Он владеет, под покровом Лика Своего от возмущения людей, которые возмутятся, услы-

шав изречение: «праведник не убоится худой молвы» (Пс. 111, 7), если укрыт он в куще, то есть в правой вере кафолической Церкви «от мятежей людских» (Пс. 30, 21), то есть, от еретических оклеветаний. Можно ли слова Господа «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог», — понять как-то иначе? Нельзя думать, что Отец обладает большей благостью, чем Сын в своей сущности, в сущности Слова, Которым всё начало быть. Тут нет отклонений от правого учения: будем уверенно пользоваться не одним доказательством, а всеми, какие найдутся. Еретиков изобличают тем сильнее, чем больше открывается ходов для избежания их ловушек. Соображения по этому поводу выскажем в другой раз.